

Янь Ми и Чан Лэ отошли в угол. Янь Ми молчал, лишь пристально глядя на друга. Заметив, что Чан Лэ кивнул, он понял, что сейчас действительно не лучшее время для подобных разговоров — по крайней мере, стоило дождаться момента, когда Се Биня не будет рядом.

Янь Ми вздохнул, чувствуя, как нелегко ему быть посредником. Он уже собрался придумать какой-нибудь предлог, чтобы замять тему, но Чан Лэ снова потянул его за рукав. Янь Ми в изумлении уставился на него:

— Ты что, правда собираешься во всем признаться?

Чан Лэ поспешно прижал ладонь к его губам. Янь Ми спохватился, что его голос прозвучал слишком громко, и, не убирая руки друга, невнятно пробормотал сквозь пальцы:

— А ты подумал, что Се Бинь об этом скажет?

Чан Лэ убрал руку и сам тяжело вздохнул:

— Я не могу скрывать это вечно. Да и если не он, то кто-то другой узнает, он все равно рано или поздно все поймет.

Янь Ми открыл было рот, но тут же захлопнул его, не зная, что сказать. Он вспомнил, как однажды, после того как они с Чан Лэ остались наедине, к нему подошел Се Бинь. В тот день Се Бинь выглядел совершенно раздавленным. Янь Ми, который был в курсе всех их дел, просидел с ним всю ночь. Се Бинь тогда только молча пил, не произнося ни слова, и лишь когда алкоголь окончательно взял свое, наконец заговорил.

Вспоминая о планах Чан Лэ, Янь Ми вдруг отчетливо припомнил слова Се Биня. Тот сказал, что Чан Лэ — человек мягкосердечный, но в некоторых вещах бывает пугающе безжалостным. Се Бинь тогда признался, что благодарен судьбе за то, что остается другом Чан Лэ, ведь в противном случае, стремясь предотвратить непоправимое, Чан Лэ способен на поступки, которые он, Се Бинь, просто не смог бы вынести.

Вернувшись в гостиную, Чан Лэ рассказал все как есть. Се Бинь слушал молча, не сводя с него глаз, словно был готов к этим словам. Когда Чан Лэ закончил, Чжоу Тань и остальные невольно перевели взгляды на Се Биня. Ощущая гнетущую атмосферу, они принялись шутить, пытаясь сгладить ситуацию.

Наконец Се Бинь подал голос:

— А ты любишь его?

Чан Лэ не знал, что ответить. Если не считать тех событий, о которых он не помнил, они с Ноэлем были знакомы всего три дня. О любви речи пока не шло, но и уверенности в обратном у

него тоже не было.

— Он определенно... вызвал у меня интерес. Возможно, со временем я и полюблю его, кто знает, — честно ответил Чан Лэ после недолгих раздумий.

Се Бинь опустил голову и замолчал. Остальные не решались вклиниться в разговор, сидя в тишине и переглядываясь. Се Бинь поднял взгляд на Чан Лэ и впервые за эти дни улыбнулся — правда, улыбка эта была полна горечи.

Сердце Чан Лэ сжалось от жалости, но он понимал, что правду придется принять. Если любви нет, то ее не выдумаешь, а жалость — чувство мимолетное. Что останется, когда жалость пройдет? Не превратится ли она со временем в раздражение?

Се Бинь, глядя прямо в глаза Чан Лэ, произнес:

— Я понял. Что ж... желаю тебе счастья.

Чан Лэ хотел утешить его:

— Ты...

Но Се Бинь перебил его на полуслове:

— Я был готов к этому давно. Не нужно беспокоиться или жалеть меня. Я говорю искренне: я хочу, чтобы ты был счастлив. Неважно с кем, главное — чтобы тебе было хорошо.

Се Бинь протянул руку и коснулся волос Чан Лэ, наслаждаясь этой короткой минутой близости. Он широко распахнул объятия:

— Давай обнимемся еще раз. Но уже не как друзья.

Это была мольба человека, который прощается со своей надеждой. Чан Лэ позволил себя обнять. Никто не проронил ни слова — никто не решился бы прервать этот момент. Возможно, кому-то было жаль Се Биня, но все они, будучи его друзьями, понимали: это был его собственный выбор. А когда все вокруг друзья, на чью сторону встанешь?

— Ну вот и все, со мной все в порядке, не переживайте. Мы ведь навсегда останемся лучшими друзьями, правда? — Се Бинь продолжал улыбаться, глядя на Чан Лэ, и в глубине его глаз читались чувства, которые Чан Лэ пока не мог постичь.

Это недопонимание, возможно, еще долго будет беречь душу Чан Лэ.

Янь Ми вклинился между ними, и напряжение сразу спало:

— Ну все, хватит! Раз уж договорили, нечего теперь голову ломать. Время еще раннее, давайте развеемся? Нужно сменить обстановку, а то сидим тут, как на похоронах.

Янь Ми приобнял обоих за плечи и натянуто улыбнулся. Чан Лэ, которому было уже все равно, последовал за остальными на выход.

С того дня Чан Лэ с головой ушел в учебу. Он использовал все доступные ресурсы, планируя свое будущее. Чан Лэ понимал: внешние блага можно потерять, и только собственные навыки останутся с ним навсегда. Поэтому он отбросил прежнюю лень и принялся жадно поглощать знания, заполняя ими пустоту в голове.

Окружающие лишь удивлялись, с каким рвением он взялся за дело, и были рады поддержать любые его начинания, помогая всем, чем только могли. Чан Лэ стал настоящим домоседом. За это короткое время он успел сделать невероятно много.

Ноэль пытался найти его, но Чан Лэ уже получил досье от частного детектива — информации было немного, но вполне достаточно. Он пока не знал, как вести себя с Ноэлем, поэтому, подобно страусу, решил просто спрятать голову в песок. Ноэль, почувствовав перемену в настроении Чан Лэ, стал появляться реже. Он выжидал, ожидая момента, когда Чан Лэ уже не сможет убежать.

И этот момент настал. У дедушки Чан Лэ был семьдесят пятый день рождения. По семейной традиции такие юбилеи отмечались с большим размахом. Хотя семья Чан Лэ не интересовалась финансами, их род и семья Фу были давними союзниками и деловыми партнерами. В их семьях было немало бизнесменов, которые сумели сохранить состояние даже в годы войны, а затем, поймав удачу за хвост, превратили свои компании в настоящие империи.

На этот раз дедушка Чан Лэ разослал приглашения многим влиятельным лицам. Множество компаний мечтали попасть на этот праздник, ведь для них одобрение таких воротил означало взлет до небес.

Ноэль также был в списке гостей. Несмотря на то, что основные активы его группы Ноа находились за рубежом, это был всемирно известный конгломерат. В глазах местных предпринимателей Ноэль был захватчиком, пришедшим на китайский рынок, чтобы откусить свой кусок пирога. Все пристально следили за ним, опасаясь, что за долгим затишьем последует сокрушительный удар. Приглашение было отправлено как из уважения к дружбе с семьей, так и из желания прощупать конкурента.

Ноэль, как глава представительства, разумеется, приехал.

Тем временем Чан Лэ сидел в комнате отдыха, беседуя с дедушкой. Они давно не виделись, и Чан Лэ очень скучал по старику. Он преподнес ему картину, которую рисовал целую неделю, и, осыпая дедушку добрыми пожеланиями, виновато улыбался, прося прощения за долгое отсутствие. Дедушка лишь слегка стукнул его по голове и тут же простил.

Дядя Чан Лэ, Чан Яо, усмехнулся:

— Пап, ну это несправедливо! Если бы я так долго не показывался, ты бы уже схватился за палку.

Дедушка фыркнул:

— Был бы ты в его возрасте хоть наполовину таким послушным, получил бы меньше тумачков. Вспомни, что ты творил! Каждое твое действие было словно вызовом мне, ты буквально выводил меня из себя. Как тебя не поколотить?

<http://bllate.org/book/22222/2318862>